

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Крешев И.П. Томас Мур (биографический очерк) // Сын отечества. – 1852. – № 4. – Отд. III. – С. 122, 123. Далее ссылки на это издание даются в тексте статьи в скобках (указывается страница).
2. Крешев И.П. Волшебница // Сын отечества. – 1842. – № 10. – Отд. III. – С. 6.
3. Крешев И.П. Рождение арфы // Репертуар и пантеон театров. – 1847. – Т. 2. – Отд. II. – С. 111.
4. Минаев Д.Д. Сирена («Я слышал преданье. С глубоккойтоской...»)// Отечественные записки. – 1870. – № 7. – Отд. I. – С. 127–128.
5. Крешев И.П. Последняя роза (Из Томаса Мура) // Сын отечества. – 1842. – №9. – Отд. III. – С. 6.
6. Кони Ф.А. <Редакторское примечание> // Пантеон театров. – 1852. – Т. 2. – № 4. – Отд. II. – С. 5–6.
7. Горковенко А.С. Томас Мур // Пантеон театров. – 1852. – Т. 2. – № 4. – Отд. II. – С. 1–8.

УДК 821.161.1

Киселёва И.А.

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА КАК РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ*

Аннотация. В статье делается попытка обоснования необходимости и возможности изучения творчества М.Ю. Лермонтова как религиозно-философской системы. Утверждается, что творчество М.Ю. Лермонтова в своих духовно-культурных оснований является собой целостную религиозно-философскую систему. Узловые проблемы лермонтовского творчества – исторический путь России, идея индивидуальности религиозного выбора человека и ответственности за него, борьбы зла с добром как основного содержимого исторического процесса, – являющиеся определяющими категориями для личностного и социального бытия, позволяют говорить о художественном наследии М.Ю. Лермонтова как о последовательно выраженной мировоззренческой системе. Доказывается, что при изучении художественного наследия М.Ю. Лермонтова как феномена, порожденного духовно-культурной жизнью нации, целесообразно использовать достижения отечественной литературоведческой и философской мысли в их синтезе.

Ключевые слова: духовно-нравственный опыт, метафизика, методология, религиозно-философская система, панэтизм, православная традиция, художественная философия.

I. Kiseleva
STUDYING OF M.Y. LERMONTOV'S WORKS AS A PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS SYSTEM: A PROBLEM OF METHODOLOGY

Abstract. The article makes an effort to ground possibility and necessity of studying M. Lermontov's works as a religious and philosophical system. Author states that basis of Lermontov's works represent integral religious and philosophical system. Key problem of Lermontov's works, such as historical way of Russia, the idea of individual religious choice and human responsibility for it, struggle of good and evil as a main content of historical process, are determinant categories of individual and social existence, and all that allows us to consider Lermontov's works as a consequentially pronounced ideological system. The author argues that while studying Lermontov's works as a phenomenon inspired by Russian spiritual and cultural life it is expedient to apply both achievements of literary studying and philosophical thought.

Key words: spiritual and moral experience, metaphysics, methodology, religious and philosophical system, an Orthodox tradition, philosophy of literary works.

* © Киселёва И.А.

Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., Государственный контракт П2406 от 18 ноября 2009 г. (с учетом дополнения П2406/1 от 16 марта 2010 г.), тема «Религиозно-этический и философский потенциал поэзии М.Ю. Лермонтова».

Русская культура влечется к «цельности обретения бытия» (А.Е. Еремеев) [1], и эта цельность проявляется не только на уровне философском, художественном, но и на уровне осмысления всей жизни в ее ценностных доминантах, которые для России связаны с до конца еще не осмысленным гуманитарной

наукой феноменом панэтизма жизни и культуры, продиктованного религиозным опытом православия. Русская словесность и, в частности, творчество М.Ю. Лермонтова, в своих духовно-религиозных и философских основаниях являет собой целостность представлений о мире и человеке, о вечности и истории, об идеях и первопричинах всего сущего. Узловые проблемы лермонтовского творчества – исторический путь России, идея индивидуальности религиозного выбора человека и ответственности за него, борьбы зла с добром как основного содержимого исторического процесса, являющиеся определяющими категориями для личностного и социального бытия, позволяют говорить о художественном наследии М.Ю. Лермонтова как о последовательно выраженной мировоззренческой системе. Именно при таком подходе к художественному наследию М.Ю. Лермонтова возможно осознание как феномена, порожденного духовно-культурной жизнью нации.

Традиционно еще с работ В.Г. Белинского, В.О. Ключевского, П.А. Висковатого и других доброжелательных исследователей лермонтовского творчества оно осмысливалось как плод русского национального мироощущения, преломленного призмой опыта начала девятнадцатого столетия. Неотъемлемым же признаком эпохи 1830-х годов являлась рефлексия, которая, будучи включенной в религиозно-философский контекст, дает возможность понимания сущего. Рефлексия, являясь связью между пониманием образа и самопониманием, позволяет «реинтегрировать семантику в онтологию» (Поль Рикер), допускает многоплановость текста, возможность как буквального, так и философского, духовного его понимания. Уже В.Г. Белинский, самый талантливый интерпретатор произведений Лермонтова среди современников, прямо не говоря о религиозности поэта, почувствовал его центрированность по отношению к некоему Абсолюту. Он называет Печорина «таинственным лицом», повесть о котором лишь намекает на что-то, не являя его в аспекте личностном» [2]. Только лишь буквальное восприятие лермонтовских текстов приводило исследователей к мнению о поэте как о личности, эстетизирующей зло (С.А. Бурачок). Положительный взгляд на творчество Лермонтова можно увидеть только у тех авторов, что воспринимали его творчество как разомкнутое в культуру; «почвеннические» и «славянофильские» трактовки творчества М.Ю. Лермонтова П.А. Вискова-

товым, В.О. Ключевским являются наиболее объективными и достойны диктовать атмосферу восприятия лермонтовской поэзии.

Помощь в осмыслении творчества М.Ю. Лермонтова как религиозно-философской системы в значительной мере могут оказывать труды биографической и культурно-исторической школ, которые изучают духовную обстановку, православный быт и культурно-исторические условия формирования личности М.Ю. Лермонтова. Это работы П.А. Висковатова, который раскрывает сферу общения и формирования поэта, Н.Т. Дашкевича, И.И. Замотина, Н.А. Котляревского, Я.Н. Ктитарева, П.Г. Перцова, П.Н. Сакулина, Л.П. Семенова, С.Н. Сырмаятникова, С.В. Шувалова. В их исследованиях в основном говорится о примирительных тонах поэзии Лермонтова, и внимание акцентируется на «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837), стихотворениях «Ангел» (1831), «Спор» (1841) и текстах молитвенного содержания. Как правило, авторы работают с буквальным смыслом произведений и видят в них гармонию внутреннего мира М.Ю. Лермонтова, тон смирения и любви по отношению к миру и Творцу. Биографическая и культурно-историческая методология данных исследователей сочетается с религиозным подходом, интерес к которому обострился и в последнее время, дав направление новому методу – религиозной филологии, которая, однако, на данном этапе не получила однозначной оценки и может быть рассмотрена как метод, находящийся в становлении и ждущий еще терминологической оформленности. Элементы этой методологии, сходной с методом этнопоэтики, и недостаточно дифференцированной от нее на современном этапе развития науки, представляется наиболее продуктивными при изучении русской протофилософии, явленной в художественной системе А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского. Религиозное литературоведение, имеющее глубокие корни в русской традиции осмысления словесного произведения сегодня может с успехом использовать методологические находки и религиозно-философской мысли начала XX века, которая не обделила М.Ю. Лермонтова своим вниманием. Кроме полемически заостренной статьи В.С. Соловьева, М.Ю. Лермонтов оценивается религиозно настроенными символистами как автор, особенно отвечающий духу времени и явля-

ющийся предтечей современных настроений в литературной жизни. Д.С. Мережковский, А. Белый, Вяч. Иванов, представляя различные концепции творчества М.Ю. Лермонтова, сходятся в том, что его мироощущение окрашено «опытом вечности» и ему присущ особый тип высокой любви. Но, рассуждая о понимании любви в духовном мире Лермонтова, каждый автор идет к своему личному идеалу. Д.С. Мережковский пишет о «неземной любви к земле» у Лермонтова, его концепция творчества поэта смыкается с теоретизированием о Третьем Завете и богочеловечестве. А. Белый и Вяч. Иванов говорят о преломлении в творчестве Лермонтова темы Вечной Женственности, Софии-Премудрости. В статье «О теургии» А. Белый размышляет: «Боязнь и сознание, что каждая земная любовь преходяща, вместе с исканием в любимом существе отблеска Вечности, освобожденного памятью из-под оков случайного и преходящего, – все это сочетает у Лермонтова искание вечной любви с исканием любви у Вечности. Отсюда еще один шаг – и любимое существо становится лишь бездонным символом, окном, в какое заглядывает какая-то Вечная, лучезарная подруга» [3]. Однако критик приходит к выводу, что Лермонтов так и не смог сбросить пелену с глаз своих, и остался на границе неопределенности добра и зла. Довольно примечательны и высказывания А. Белого по поводу образа Вечной Жены у Лермонтова. В духе символизма он говорит, что Лермонтов не «до конца осознал взаимодействие между реальным созданием мечты "с глазами, полными лазурного огня" и его символом, которым становится любимое существо» [3]. Но в этом «непонимании» и своеобразная защита М.Ю. Лермонтова, который, при всех его идеальных настроениях по отношению к земле, не перешел грани, что отделяет «еретизм» символизма от русского национального самосознания. Синтетический подход, реализованный в исследованиях русских поэтов-символистов, хотя и обращен к изучению религиозности и философичности творчества М.Ю. Лермонтова и к осмыслению духовного потенциала его личности, не представляется целесообразным на современном уровне развития литературной науки, которая устремлена к ценностным горизонтам именно традиционной русской культуры и догматического Православия, по отношению к которому религиозные философы начала XX века не все последовательны. Только отдельные наблюдения холиастически

настроенных декадентов представляют определенный интерес для решения поставленной проблемы, их суждения, взятые как отправные точки, могут способствовать развитию лермонтоведения.

На современном этапе развития науки нельзя не обратиться и к опыту метафизического подхода к литературному произведению, который обозначился в трудах И.А. Ильина, Г.П. Федотова, С.Л. Франка. Русские философы дали образцы анализа художественного текста с точки зрения его философского содержания. При изучении творчества М.Ю. Лермонтова как религиозно-философской системы в сфере внимания оказывается как основная философски насыщенная тема произведения, так и философское наполнение картин природы, или философский смысл литературных диалогов, или философские выводы в финале стихотворений. Основанный на принципах историзма (в частности, у Г.П. Федотова), профетизма и социальной актуальности (в высокой степени у И.А. Ильина), метафизический метод в применении к литературному творчеству позволяет выявить актуальность религиозной жизни нации в конкретном художественном произведении. По словам И.А. Ильина, «искусство в России родилось как действие молитвенное; это был акт церковный, духовный; творчество из главного; не забава, а ответственное делание; мудрое пение или сама поющая мудрость» [6]. Исследователь русской лирики Д. Дарский отмечал, что «русская поэзия по природе христианка, укрывшаяся от мира молитвенница» [7].

Особые перспективы изучения художественного творчества М.Ю. Лермонтова как религиозно-философской системы открывает и герменевтический подход. Этот универсальный метод в области гуманитарных наук оказывается актуальным в современном мире, обратившемся к синтезу достигнутого человеческого познанием. В традиции античной классической и библейской герменевтики особое внимание следует уделять мысли, что один и тот же текст, с его укорененностью в бесконечности Абсолюта, может иметь несколько смыслов, которые, являясь в символическом образе, наслаиваются друг на друга. Теория герменевтики имела место и в начале XIX века. Именно тогда работал основатель современного герменевтического подхода в литературоведении Ф.Д.Э. Шлейермахер, который говорил о понимании художника в его личностной задаче. Целостность понимания, по Ф.Д.Э. Шлейермахеру, достигается

постижением внутренней логики творящего субъекта. И святоотеческая (св. Климент Александрийский, св. Григорий Нисский и др.), и «новая» герменевтика подчиняет свои исследования ведущей идее, что реализуется во всем текстовом материале творящего субъекта. Д.Е. Максимов советовал извлекать взгляды М.Ю. Лермонтова «не только из его прямых высказываний (в прозе и стихах), но также – и даже в первую очередь, – из его художественной системы» [4], не осознавая или не обозначая истоки подобного подхода, исследователь оказывается близок к постижению некоторых принципов герменевтического анализа. Лермонтовские тексты целесообразно рассматривать как в собственно его художественной системе, так и в системе систем, которая являет собой широкий духовно-культурный фон, образованный, во-первых, романтическим стилем в плане эстетическом, во-вторых, «русской жизнью» с ее ведущим панэтическим смыслом, в-третьих, «русской идеей» как ведущей идеологией и, в-четвертых, текстами Священного Писания и Предания на уровне онтологическом, так как абсолютное служит для М.Ю. Лермонтова, по словам Ю.И. Айхенвальда, «окончательной и верной меркой». Герменевтический анализ оказывается близок и духовно-историческому методу, сложившемуся в Германии в начале XX века, который, собственно, и являет собой «дильтеевскую герменевтику» [5]. На современном этапе развития науки для изучения именно феномена русской культуры целесообразна выработка новой методологии, основанной на культурном опыте герменевтики и связанной с постижением феномена русской литературы, которая породила эпифеномен русской философии, а потому требует особого осмысления.

Одна из современных работ по русской культуре ставит проблему синергии «творчества и религиозного опыта» (О.А. Жукова) [8] и разумно решает ее, применяя термин «актуальность традиции» по отношению к русскому искусству. Подобное осмысление творчества М.Ю. Лермонтова наметилось в трудах В.В. Афанасьева, В.Н. Аношкиной, О.П. Евчук, Л.В. Журавиной, иеромонаха Нестора (Кумыша), А.В. Моторина, В.Г. Одинокова, Т.И. Радомской, И.П. Щерблякина и некоторых других литературоведов.

Важное место в осмыслении русской поэзии, и шире, культуры, занимает та или иная установка исследователя. Среди позиций специалистов, изучающих религиозные

основы русского искусства и узревающих в светской культуре религиозные корни, можно выделить, как минимум, две установки. Так, В.В. Зеньковский, выдающийся в культуре религиозный нерв, говорил о ее «посюсторонности». «Идеал, одухотворяющий светскую культуру, – пишет он, – есть, конечно, не что иное, как христианское учение о Царстве Божием, – но уже всецело земном и создаваемом людьми без Бога» [9]. Думается, что эта позиция была бы актуальна для изучения лирики отдельных русских поэтов, но неприменима к М.Ю. Лермонтову, для которого мир очень часто предстает в блеске эсхатологической молнии, а потому его религиозность имеет ярко выраженную, переосмысливая слово В.В. Зеньковского, «потустороннюю окраску». При изучении творчества М.Ю. Лермонтова вернее исходить из позиции, предложенной И.А. Ильиным, который писал: «Когда я говорю о "Божественном", "священном", я не разумею только церковно-религиозное <...>. Так называемое «светское» искусство <...> может быть исполнено священным содержанием, молитвенным духом, религиозным видением. История человечества знает это явление духом насыщенное и пророчески-водительского светского искусства, эти героические очаги религиозного созерцания в душах гениальных мирян и профанов. Дух Божий дышит и веет, где хочет; там, где он находит чистое сердце, правый дух и искренний пламень» [10].

На современном этапе развития литературоведения актуальны следующие этой посылке работы В.А. Котельникова, который говорит, что литературной науке необходимо «религиозно-онтологическое обоснование творчества» [11]. Как одну из важнейших задач изучения русской классики современная исследовательница Т.А. Кошемчук выделяет выявление живительной связи «литературного явления с его духовной первоосновой, понятию как развитие общего изнутри собственного творческого сознания, а также и те смещения, что порождаются лукавым духом большого времени. Первое – залог непреходящей ценности культурного явления, второе – печальные следы человеческого несовершенства. Но значимо для истории человеческого духа именно первое, именно то, что духовно плодотворно, а второе может быть лишь по своему поучительно и назидательно» [12].

Как видим, современная наука приходит к закономерному выводу, что особое место в исследовании должен занять аксиологи-

ческий метод. Аксиологическая методология была заявлена еще в 1980-е годы в исследованиях В.С. Непомнящего, в которых актуализировалось понимание этического значения литературы, рассматривавшейся как «совестное служение» [13]. В 1990-х гг., на новом этапе духовного развития русского общества, идеи ценностного изучения литературы в ее христианском содержании начал развивать В.Н. Захаров (инициатор метода этнопоэтики, исходящей из положения, что «русская литература была христианской» [14]), пишет: «русская литература в полной мере восприняла и усвоила христианскую концепцию человека в том виде, в каком она сложилась в Православии. Идея спасения, страдания, искупления и преображения определили ее духовный пафос» [15]. Продолжая мысль В.Н. Захарова, И.А. Есаулов в статье «Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия» сетует на отсутствие литературоведческой науки, которая «совпадала бы в своих основных аксиологических координатах с аксиологией объекта своего описания» [16]. Б.Н. Тарасов утверждает: «становится все более очевидным, что христианское содержание русской религиозной философии и художественной классики не улавливается позитивистским или атеистическим взором... Порой чтение даже самых блестящих послереволюционных работ о русской классической литературе, основной ствол которой питается христианскими корнями, вызывает чувство какой-то неполноты и усеченной истинности. Думается, объяснить это можно только тем, что даже при высокой текстологической культуре <...> не избежать самых разнородных «перекосов», которые обусловлены «зазорами» между личностью, мировоззрением, опытом изучаемого автора и его исследователя» [17]. Об этом пишут также зарубежные исследователи творчества М.Ю. Лермонтова: они отмечают возросший в постсоветское время интерес к романтизму и, в частности, к творчеству М.Ю. Лермонтова, называя его поэтом таинственным, то есть обнаруживая в его поэзии сильнейшую метафизическую струю [18].

Современный этап развития науки более всего связан с ценностным переосмыслением религиозности того или иного писателя, о чем говорят труды В.Н. Аношкиной, И.А. Виноградова, В.А. Воропаева, И.А. Есаулова, В.Н. Захарова, В.В. Ильина, В.А. Котельникова, Т.А. Кошемчук, В.А. Свительского, Б.Н. Тарасова, В.Е. Хализева. Литературо-

ведческая аксиология акцентирует идеалы единения Истины, Добра и Красоты, художественные произведения рассматриваются как «сокровищница» духовно-нравственного опыта. Главное же то, что ценностный подход обязывает проникать в самосознание писателя, определять его духовно-нравственное состояние. Предложенные методы в своей совокупности и объединении с другими (текстологическим, сравнительно-историческим, контекстуальным), а также при общем следовании общенаучным принципам системности, конкретности и историзма обеспечат объективное и результативное изучение религиозно-этического и философского потенциала поэзии М.Ю. Лермонтова, постижения его поэтического мира как религиозно-философской системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Еремеев А.Э. Русская философская проза (1820-1830-е гг.). – Томск, 1989. – С. 134.
2. Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Белинский В.Г. Собр. Соч.: В 9 тт. – Т. 3. – М., 1978. – С. 84.
3. Белый А. Священные цвета // А. Белый. Символизм как миропонимание. – М., 1994. – С. 207.
4. Максимов Д.Е. Об изучении мировоззрения и творческой системы Лермонтова. – Л., 1964. – С. 10.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под. ред. А.Н. Николюкина. – М., 2001. – Стб. 257.
6. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 тт. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 204.
7. Дарский Д. Радость земли. Исследование лирики Фета. – М., 1916. – С. 21.
8. Жукова О.А. Метафизика творчества: Искусство и религия в истории культуры России: Монография. – М., 2008. – С. 9.
9. Зеньковский В.В. История русской философии. – М., 2001. – С. 81.
10. Ильин И.А. Основа художества. О совершенном в искусстве // Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 тт. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 176.
11. Котельников В.А. От редактора // Христианство и русская литература. Сб. статей. – СПб, 1996. – Сб. 2. – С. 5.
12. Кошемчук Т.А. Русская поэзия в контексте православной культуры. – СПб., 2006. – С. 16.
13. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. – М., 1987. – С. 14.
14. Захаров В.Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. научных трудов. – Петрозаводск, 1994. – С. 5.
15. Захаров В.Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, ре-

- минисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. научных трудов. – Петрозаводск, 1998. – Вып. 2. – С. 25.
16. «Литературоведческая аксиология: опыт обоснования понятия» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. научных трудов. – Петрозаводск, 1998. – С. 382.

17. Тарасов Б.Н. Непрочитанный Чаадаев, неслышанный Достоевский (христианская мысль и современное сознание). – М., 1999. – С. 8.
18. Ed. by Christine A. Rydel. Dictionary of literary biography. Russian Literature in the Age of Pushkin and Gogol: Poetry and Drama. Vol.205. Detroit - Washington (D.C.) - London, 1999.

УДК 81.01

Лоскутникова М.Б.

КАТЕГОРИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО СТИЛЯ В ТРУДАХ А.Н. ВЕСЕЛОВСКОГО*

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы поэтического (художественного) стиля в работах А.Н. Веселовского 1890-1900-х годов. Исследованы позиции ученого в понимании такого фактора стиля, как жанровое содержание произведения, и таких носителей стиля, как сюжетно-композиционная организация произведения и художественная речь (сравнение, метафора, аллегория, символ), а также общие вопросы понимания поэтического и прозаического.

Ключевые слова: Александр Веселовский, художественный стиль, факторы стиля, носители стиля.

M. Loskutnikova

CATEGORY OF POETIC STYLE IN WORKS OF A. VESELOVSKY

Abstract. In the article the aspects of the poetic (art) style in works of A. Veselovsky of 1890-1900 years are considered. Author researched the positions of the scientist for understanding of such factor of style, as the genre content of art product, and of such carriers of style, as the plot-composition organization of art text and art discourse (comparison, metaphor, allegory, symbol). Also approaches of A.N. Veselovsky to general poetic and prosaic problems are investigated.

Key words: Alexander Veselovsky, art style, style factors, style carriers.

Академик А.Н. Веселовский — признанный в мировой науке разработчик методологии сравнительно-исторического анализа литературно-художественного процесса и произведений словесного искусства. В своей программной лекции «О методе и задачах истории литературы как науки» (1870) ученый

подчеркивал: сравнительный метод «есть только развитие исторического, тот же исторический метод, только учащенный, повторенный в параллельных рядах, в видах достижения возможно полного обобщения» [1, с. 37].

Веселовский является основоположником исторической поэтики, т. е. исследований в области процессов развития поэтических (художественных) систем. Краеугольный камень в ее фундаменте — индуктивный принцип анализа, предполагающий движение мысли от рассмотрения частных явлений к изучению общей картины и создание «философских обобщений исторического развития» [1, с. 35]. Инструментарий индуктивной поэтики, устраняющей «умозрительные построения» [1, с. 43], позволил Веселовскому создать теорию происхождения искусства. Ее основой являются представления об эволюции содержания, отраженного в поэтическом стиле.

Цель данной работы следует охарактеризовать как необходимость выявить степень проникновения Веселовского в проблемы стиля как содержательной формы. Задачи статьи определяются как выявление в представлениях Веселовского объема понятий «факторы» и «носители» стиля, а также понятий индивидуальный стиль и «большой» стиль, теоретически сформулированных современной наукой в том числе на основании трудов ученого. Позиции Веселовского рассмотрены с учетом хронологии его работ.

Развитие литературоведения как самостоятельной науки связано с возникновением понятия «всемирная» литература, которое было выдвинуто в конце 1820-х — начале 1830-х годов И.В. Гете [3], в развитие суждений его учителя И.Г. Гердера. Веселовский

* © Лоскутникова М.Б.